

Савва (Тихомиров), архиеп. Тверской и Кашинский. [Хроника моей жизни:] Автобиографические записки высокопреосв. Саввы [Тихомирова], архиеп. Тверского [и Кашинского († 13 октября 1896 г.): Том 1. (1819–1850 гг.) Годы: 1819, 1822, 1825–1827] // Богословский вестник 1897. Т. 1. № 1. С. 1–32 (3-я пагин.). (Начало.)

1819 г.

Отъ чрева матери моея Ты еси мой покровитель... Не отвержи мене и во время старости: внигда оскудѣвати крѣпости моея, не остави мене.
(Псал. 70, 6. 9).

Я родился 15-го марта 1819 года. Родители мои были 1819 г. Михаилъ Сергѣевичъ и Стефанида Ивановна.

Отецъ мой былъ сынъ діакона Крестовоздвиженской церкви села Палеха, Вязниковскаго уѣзда, Владимірской епархіи, Сергія Накитича; родился 20-го сентября 1783 года. Оставшись въ малолѣтствѣ круглымъ сиротою, онъ воспитывался въ домѣ священника и благочиннаго тогоже села Палеха Ивана Ефимовича Дмитревскаго (уроженца Вологодской епархіи), женатаго на сестрѣ дѣда его, Никиты Феодоровича, Припѣ Феодоровнѣ. 11-ти или 12-ти лѣтъ онъ, обучившись грамотѣ, опредѣленъ былъ къ той же Крестовоздвиженской церкви, при которой былъ его отецъ, на должность пономаря и вскорѣ посвященъ былъ въ стихарь.

Мать моя, Стефанида Ивановна, родилась въ 1788 году, была дочь также діакона села Гориць, Шуйскаго уѣзда, Суздальской (нынѣ Владимірской) епархіи, Ивана Ивановича. Дѣдъ ея, также Иванъ Ивановичъ, былъ дячкомъ въ селѣ Горицахъ, а прадѣдъ о. Іоаннъ въ томъ же селѣ былъ священникомъ. Овдовѣвши, онъ поступилъ въ число братіи въ Николо-Шартомскій монастырь, находящійся отъ Гориць въ 4-хъ верстахъ. Здѣсь, принявши монашество съ именемъ Іоасафа, онъ возведенъ былъ въ 1780 году въ санъ игумена, но въ ночь на 29 число августа 1786 года, неиз-

1819 г. вѣстно кѣмъ, былъ убитъ въ монастырѣ, какъ замѣчено въ старинномъ монастырскомъ синодикѣ ¹⁾.

Какъ у моего родителя была только одна сестра Аграфена Сергѣевна, бывшая въ замужествѣ за священникомъ въ селѣ Богородскомъ, Шуйскаго уѣзда, о. Александромъ: такъ и у матери моей былъ только одинъ братъ Петръ Ивановичъ, который былъ сначала дячкомъ при Горницкой Богородицкой церкви, а потомъ при той же церкви діакономъ.

Отецъ мой, какъ мнѣ его описывали, былъ невысокаго роста, съ русыми волосами и красивымъ лицомъ; при живомъ и веселомъ характерѣ, отличался любознательностію и пользовался добрымъ расположеніемъ прихожанъ и родныхъ, конхъ какъ въ Палехѣ, такъ и въ Горницахъ было очень много. Кромѣ исполненія своихъ служебныхъ обязанностей по церкви, онъ занимался домашнимъ столярнымъ ремесломъ, — вставкою въ оконныя рамы стеколъ и даже художествомъ—иконописью. Извѣстно, что во второй половинѣ XVIII столѣтія палеховцы заимствовали искусство иконописанія отъ иконописцевъ г. Шуи—главнаго тогдашняго центра старинной Суздальской иконописи ²⁾. У меня и теперь цѣль образъ Вожіей Матери всѣхъ скорбящихъ радости—произведеніе кисти моего родителя. Впрочемъ, на этомъ образѣ ему принадлежитъ только доличное, т. е. платье, а лица писаны другимъ, болѣе искуснымъ, мастеромъ. Въ Суздальской, а равно и въ Палеховской иконописи существовало слѣдующее раздѣленіе труда: одинъ левкаситъ, т. е. грунтуетъ алебастромъ, смѣшаннымъ съ простымъ клеємъ, доски, другой по заготовленному на доскѣ рисунку пишетъ лица, третій—доличное (платье), четвертый подписываетъ, пятый накладываетъ серебро, шестой окрашиваетъ поля (края образа) и послѣдній олифитъ ³⁾.

У родителей моихъ было 12 дочерей и ни одного сына: поэтому, естественно, отцу моему чрезвычайно хотѣлось имѣть наследника—сына, и Господь внялъ его пламенному

¹⁾ См. Описаніе г. Шуи и ея окрестностей. Вл. Борисова. М. 1851 г. стр. 206.

²⁾ Описаніе г. Шуи. В. Борисова, М. 1851 г. стр. 76.

³⁾ Ежегодникъ Влад. Статистич. Комитета, т. 1, выш. 1, столб. 229—230, Владиміръ, 1876 г.

желанію: но ему не дано было утѣшенія видѣть появленіе 1819 г. на свѣгъ желаннаго сына.

Въ январѣ 1819 года Михаилъ Сергѣевичъ былъ въ Горицахъ у своей тещи Анны Васильевны въ гостяхъ. Возвращаясь оттуда домой, онъ сильно простудился и, послѣ кратковременной болѣзни, 25-го числа того же января скончался на 36-мъ году отъ рожденія, оставивъ беременную жену съ тремя дочерьми.

Мать моя, Стефанида Ивановна, вскорѣ послѣ кончины своего мужа, оставила Палехъ и переселилась съ дочерьми на свою родину въ село Горицы, гдѣ у ней оставались еще въ живыхъ мать Анна Васильевна и младшій братъ. На первый разъ она помѣстилась у брата своего, діакона Петра Пвановича, въ особомъ небольшомъ флигелѣ на дворѣ, и здѣсь-то 15 числа марта 1819 года разрѣшилась отъ бремени рожденіемъ перваго и послѣдняго сына, котораго во святомъ крещеніи нарекли Іоанномъ въ честь прендобнаго Іоанна писателя дѣствицы, коего память совершается Церковію 30-го марта. Восприемниками при моемъ креще- были: означенный діаконъ—Петръ Ивановичъ и старшая его дочь дѣвица Елизавета Петровна, которая вскорѣ послѣ того скончалась. Итакъ, мнѣ суждено было, по волѣ Божіей, родиться не подъ родительскимъ кровомъ, а въ чужомъ, хотя и родственномъ домѣ. Не было ли это предзнаменованіемъ моей страннической жизни, моего постоянного pereхожденія изъ мѣста въ мѣсто, изъ града въ градъ?!

Младенчество мое, какъ мнѣ сказывала старшая сестра, сопровождалось болѣзнями и лишениями. На первомъ же году жизни я страдалъ отъ кроваваго поноса и былъ въ крайней опасности жизни. Отъ этой болѣзни меня лечили краснымъ виномъ съ растопленнымъ сургучемъ и воили водою съ какого-то цѣлебнаго камешка, хранившагося у какой-то благочестивой, а, можетъ быть, суевѣрной старушки, извѣстной подъ именемъ „Малинки“. Какъ бы то ни было, по *храняя младенцы* Господь сохранилъ мою слабую жизнь и хранить ее, по своему неизреченному милосердію, до сего дня. Для моего питанія требовалось молоко, но у матери моей своей коровы еще не было, а просить молока у брата своего, у котораго была корова, она, вѣроятно, стѣснялась: такъ какъ у него было свое немало-

1822 г. численное семейство. Къ моему счастью нашлась въ сосѣдствѣ одна добрая и сострадательная крестьянка, Осодора Михайловна Чайкина, которая, тайно отъ родныхъ моей матери, каждый день доставляла для меня свѣжее молоко. Я помню хорошо эту благодѣтельную мою кормилицу; но ея давно уже нѣтъ въ живыхъ. Упокой, Господи, ея добрую душу.

Кромѣ небольшого домика, въ которомъ я родился, у моего дяди и отца крестнаго рядомъ былъ другой старинный домъ изъ толстыхъ сосновыхъ бревенъ, на „подклѣтѣ“, т. е. дву-этажный; внизу, спереди была жилая изба и вмѣстѣ кухня, а сзади кладовая; вверху напереди свѣтлая просторная комната съ старинною кафельною печью и лежанкой, а сзади чрезъ сѣни другая такая же комната, но холодная, безъ печи.

1822 г.

Моей матери предоставлена была просфорническая должность при Горницкой церкви и дано было небольшое мѣсто для постройки дома рядомъ съ большимъ домомъ ея брата. Скоро ли построень былъ домъ моей матерью, я не знаю, но въ январѣ 1822 года, когда мнѣ не было еще трехъ лѣтъ отъ роду и когда въ первый разъ пробуди ось мое сознание, я помню, что мы жили уже въ своемъ домѣ. Домъ этотъ небольшой деревянный, о трехъ окнахъ: сзади, чрезъ сѣни, сдѣлана была пристройка, раздѣленная на двѣ половины; въ одной была холодная свѣгелка о двухъ окнахъ, а въ другой—темный чуланъ; при домѣ—небольшой дворикъ и маленькій огорокъ.

У матери моей, кромѣ меня, было три дочери: Марія, Прасковья и Анна. Всѣ онѣ своими трудами приобрѣтали себѣ пасующее пропитаніе: зимой занимались ткацкимъ бумажной красной пестряди, такъ называемой „александрійки“, производство которой тогда въ нашемъ краѣ составляло исключительное почти женское ремесло; а лѣтомъ занимались иногда у дяди, діакона, а иногда у священника, также родственника, жать хлѣбъ. Старшая сестра моя Марія Михайловна, которая осталась по смерти родителя 17-ти лѣтъ, выдана была въ замужество еще при жизни нашей матери. Это было 25 января 1822 года, когда мнѣ было, какъ выше

замѣчно, менѣе трехъ лѣтъ. Свадьба моей сестры была 1822 г. первымъ событіемъ въ моей жизни, сохранившимся въ моей памяти. Какъ теперь помню. — это было вечеромъ, при огнѣ: сижу я на голбцѣ подлѣ печи и вижу: за столомъ въ переднемъ углу, подъ образами, сидятъ женихъ и невѣста, подлѣ нихъ нѣсколько человѣкъ гостей, между прочимъ нашъ дядя Петръ Ивановичъ; матушка высылала на столъ предъ жепихомъ и невѣстою нѣсколько серебряныхъ рублей, обѣщанныхъ, разумѣется, въ приданое за невѣстой. Было ли какое нибудь угощеніе, не помню; помню только, что когда всѣ встали изъ за стола, меня позвали и заставили расплетать у невѣсты косу. Когда я не могъ скоро сладить съ этимъ, необычнымъ для меня, дѣломъ, дядя Петръ Ивановичъ взялъ у меня изъ рукъ косу и тотчасъ расплелъ. Затѣмъ всѣ изъ дому ушли, безъ сомнѣнія, въ церковь для совершенія брака, а меня оставили одного со старою крестьянскою дѣвицей *Кривою* Парасковѣей, которая и послѣ перѣдко бывала у насъ въ домѣ для разныхъ услугъ.

Зять мой Василій Александровичъ Левашевъ, сынъ священника села Вознесенья, Ковровскаго уѣзда. Но уволеній изъ Владимірскаго духовнаго уѣзднаго училища, былъ опредѣленъ на пономарскую должность къ Успенской едиповѣрческой церкви, вновь открытой при сосѣднемъ съ Горницами селѣ Душиловѣ на мѣстѣ ураздненной Воробьевской пустыни. Въ этой-то едиповѣрческой церкви, отстоящей отъ нашего дома немного болѣе версты, и совершенъ былъ бракъ моей сестры съ пономаремъ Левашевымъ. Такимъ образомъ наше семейство сократилось.

Послѣ сего всѣ заботы и попеченія моей матери сосредоточены были преимущественно на мнѣ, какъ на младшемъ и единственномъ сынѣ.

Дѣтство мое подъ материнскимъ кровомъ текло мирно и беззаботно. Въ лѣтнюю пору я предавался на улицѣ, съ немногими сверстниками своимъ, обыкновеннымъ дѣтскимъ забавамъ—бѣганью по лужайкамъ, игрѣ въ бабки и др.; а зимой большую часть дня проводилъ дома, занимаясь постройкой въ бабокъ церкви; параясь въ ризы, дѣлая ихъ изъ большихъ платковъ; привѣшивая на печи къ шести кокошки, которыя сестры мои уюгребили при истребленіи

1825 г. кружевъ, и ударяя этими коклюшками о шесть, какъ бы производя на колокольнѣ звонъ ¹⁾. Вообще, у меня съ самаго дѣтства была особенная привязанность къ церковнымъ предметамъ: видно, что благолѣпіе приходскаго храма и строгая чинность богослуженія производили на меня глубокое впечатлѣніе. А съ тѣхъ поръ какъ я началъ себя поминать, я неопустительно бывалъ при воскресныхъ и праздничныхъ богослуженіяхъ, которыя на моей родинѣ совершались въ точности по уставу, со всѣми положенными чтеніями изъ толковаго Евангелія, Четіей-Минен и отеческихъ писаній, такъ что всенощная, напримѣръ, служба подъ великіе праздники продолжалось часа четыре и болѣе. И какъ въ зимнее время утреннее богослуженіе начиналось часа въ три по полуночи, а иногда и ранѣе: то, когда мнѣ было уже лѣтъ шесть или семь отъ роду, меня непремѣнно будили къ утрени.

1825 г.

Въ декабрѣ 1825 года, когда мнѣ было уже болѣе 6-ти лѣтъ отъ роду, гуляя разъ въ сумерки на улицѣ и катаясь на санкахъ или на лубянкѣ (изъ льда) съ горы, я неожиданно пораженъ былъ ударомъ большого, въ 600 пудовъ, колокола на колокольнѣ Покровской церкви сосѣдняго села Дунилова, а чрезъ нѣсколько минутъ повели меня въ свою Горицкую церковь. Здѣсь собралось духовенство всѣхъ церквей обоихъ селъ по случаю восшествія на престоль Императора Константина Павловича. Заставили и меня поднять руку вверхъ съ обычнымъ перстосложеніемъ для крестнаго знаменія, когда читана была присяга, а затѣмъ и цѣловать Евангеліе. Тоже самое повторилось чрезъ нѣсколько дней, когда полученъ былъ новый манифестъ о восшествіи на престоль Императора Николая Павловича.

Среди неграмотнаго семейства (мать и сестры мои—всѣ были неграмотны), очень рано во мнѣ пробудилось сильное стремленіе къ обученію грамотѣ; въ особенноти мнѣ хотѣлось какъ можно скорѣе научиться писать. Въроятно, къ этому поощрялъ меня примѣръ двухъ сыновей моего

¹⁾ О св. *Антоніи* патр. Константинопольскомъ, жившемъ въ первой половинѣ IX в., пишутъ, что въ немъ, когда онъ былъ еще младенцемъ, было замѣчено стремленіе къ священнымъ дѣйствіямъ и пр (См. Вѣчный Календарь *Е. А. Тихомирова*, т. 1, М. 1879 г., подъ 12 ч. февр., стр. 133).

дяди, которые старше меня были лѣтами и уже учились въ школѣ. Въ нашемъ домѣ была единственная книга—календарь, не помню, какого года прошедшаго столѣтія, съ пробыльными въ ней листами. Не умѣя еще читать, я неписалъ всѣ эти листы разными чертами и каракулями; и такъ какъ въ домѣ не было ни чернилъ, ни перьевъ, то младшая сестра моя Анна, вмѣсто чернилъ приготавливала мнѣ изъ лазори, добываемой съ химическаго завода, растворъ, а вмѣсто пера, очинивала лучинку. Мать шести я началъ неотступно просить мать, чтобы она купила мнѣ азбуку; по такъ какъ этой книги въ селѣ приобрести было нельзя, а вужно было послать за нею въ городъ: то, пока это происходило, я приступилъ къ своей теткѣ Татьянѣ Ивановнѣ, женѣ моего дяди, діакона, чтобы она выучила меня читать, хотя сама она была безграмотная. Но какъ она, вѣроятно, слышала, какъ ея дѣти громко твердили по книжкѣ буквы и склады, сама заучила ихъ на память, то эту премудрость не отказалась передать мнѣ; съ ея словъ я выучилъ на память названія буквъ и начальные склады ихъ. Но когда дѣло дошло до словъ подъ титлами: ангель, ангельскій и проч., то моя добрая учительница сама стала въ туникъ.

1826 г.

Между тѣмъ, мнѣ наконецъ куплена была азбука и съ нею я отданъ былъ сосѣду нашему, дячку Михаилу Васильевичу Бѣлоцвѣтову, въ книжное наученіе. Дѣло было такъ. 1 декабря 1826 года, въ день св. пророка Наума, матушка повела меня въ церковь къ обѣднѣ и послѣ обѣдни, поставивши довольно большую свѣчу, помнится въ пятиалтынный, предъ иконописными свѣщами, просила священника отслужить молебенъ пророку Науму, чтобы онъ поставилъ меня на умъ — на разумъ, а дячку Михаилу Васильевичу сказала, чтобы онъ не снималъ съ подвѣчника свѣчи, пока она вся не сгоритъ предъ образомъ ¹⁾. Въ слѣдъ за тѣмъ она отвела меня въ домъ учителя, или, какъ говорили у насъ тогда, мастера, и съ этого благословеннаго дня начался курсъ моего ученія.

¹⁾ Объ обычаѣ совершать предъ иконописнымъ ученика молебенъ пророку Науму — см. въ *Чт. М. Обш. Ист. и Др. Рос.* 1861 г. кн. IV. Еще въ *Мѣсяцесловѣ*, изд. архим. Фимітрѣмъ ноябрь 1-мъ и декабря.

1827 г.

Когда привели меня къ Михаилу Васильевичу учиться, у него были уже три ученика изъ крестьянскихъ мальчиковъ, сверстниковъ или немного старшихъ меня по лѣтамъ. Одинъ изъ нихъ, помню, былъ Ефимъ Широковъ, другой Кузьма Бурсиковъ—оба богатыхъ отцовъ дѣти; третій, или вмѣстѣ со мною, или нѣсколько позднѣе поступившій, былъ Михаилъ Чайкинъ, сынъ помянутой выше благодѣтельной крестьянки Федоры Михайловны; впрочемъ у него былъ живъ отецъ, добрый и честный крестьянинъ Иванъ Никитинъ.

Учене наше шло такимъ образомъ. Книжки наши лежали не на столѣ, а на лавкѣ; мы же сами сидѣли предъ лавкою на низенькихъ стуликахъ. Между нами сидѣлъ на такомъ же стуликѣ и самъ мастеръ, занимаясь самонымъ мастерствомъ. Мы все читаемъ вслухъ, вонъ, бывало, не пропустить ни одной ошибки не только въ словахъ, но и въ удареніяхъ и даже въ знакахъ преннапіа, безъ должнаго исправленія и замѣчанія. Вообще, Михаила Васильичъ былъ великій мастеръ своего дѣла. Онъ былъ человѣкъ съ нѣкоторымъ даже образованіемъ; учился въ семинаріи и простирался до поэзіи; любилъ на досугѣ читать книги и входилъ даже, по праздничнымъ днямъ, въ словопренія съ раскольниками, которыхъ въ сосѣднемъ селѣ Душиловѣ было много, и притомъ разныхъ сектъ.

1827 г.

Мое ученіе подъ руководствомъ Михаила Васильевича было очень непродолжительно. Начавши 1 декабря 1826 года со второй половины азбуки, гдѣ содержатся все славянскія слова, которыя обыкновенно печатаются сокращенно—подъ титлами, гдѣ затѣмъ показаны славянскія цифры, означаемыя буквами алфавита и гдѣ, наконецъ, изъяснены строчные и надстрочные знаки преннапіа и ударенія, въ родѣ слѣдующихъ: оксія, варія, камора, краткая, звательца, титла, слово титло, апострофы, кавыка, ерокъ, занятая и проч., и скоро прошелъ часословъ, а къ веснѣ слѣдующаго 1827 года окончилъ и Исалтирь. Затѣмъ мнѣ слѣдовало приступить къ упражненію въ искусствѣ чистописанія: но я не знаю, по какимъ соображеніямъ, вѣроятно, экономическимъ, меня не оставили уже у

Михайла Васильевича, который писалъ очень красиво, 1827
а перевели къ зятю Василю Александровичу на Пустыньку, какъ обыкновенно называли уединенную мѣстность, гдѣ находилась помянутая выше едиповѣрческая церковь, при которой зять мой былъ пономаремъ. У зятя, въ продолженіи двухъ — трехъ лѣтнихъ мѣсяцевъ, я оказалъ довольно порядочные успѣхи въ чистописаніи. Между тѣмъ, приближалось время поступить мнѣ въ школу.

Но прежде, чѣмъ оставить родной кровъ, я изложу здѣсь краткія свѣдѣнія о моей родинѣ и ея окрестностяхъ.

Село Горицы, гдѣ я родился, находится отъ уѣзднаго города Шуи въ разстояніи 17-ти верстъ по почтовому Костромскому тракту; расположено на правомъ берегу рѣки Тезы. Названіе свое получило отъ гористаго мѣстоположенія. Мѣстность очень красивая. Дома моей матушки и ея брата занимали въ селѣ едва ли не самое лучшее мѣстоположеніе. Они стояли особнякомъ. Мимо нашего дома съ лѣвой стороны проходила изъ села Иванова большая кунеческая дорога въ Нижній Повгородъ; а съ правой стороны дома моего дяди лежалъ довольно глубокій оврагъ, отдѣлявшій оный отъ обширной поляны. Съ восточной стороны, предъ окнами, подъ горой протекала рѣка, а за ней раскинуто версты на двѣ большое село Дунилово.

Вблизи нашего дома, къ сѣверу, надъ рѣкою, на высокой горѣ красуются два каменныхъ храма, обнесенные обширною каменною оградой. Изъ двухъ церквей одна зимняя, теплая, а другая лѣтняя, холодная.

Холодная церковь во имя Рождества Пресвятыя Богородицы, сооруженная въ 1762 году усердіемъ богатыхъ крестьянъ села Гориць, Цыганова и Холщевникова, высокая, обширная и очень благолѣпная. Стѣны ея по мѣстамъ украшены были священными изображеніями, преимущественно апокалипсическаго содержанія. Мѣстныя иконы въ иконостасѣ всѣ почти въ серебряныхъ вызолоченныхъ ризахъ, предъ ними въ подсвѣчникахъ и лампадахъ стоятъ очень массивныя свѣчи. Между этими иконами съ особеннымъ благоговѣніемъ чтится храмовая икона Рождества Божіей Матери, сохранившаяся отъ прежней деревянной церкви и написанная, по усердію храмоздателей этой церкви, окольногого Василья Васильевича и брата его Ивана Коробовыхъ,

1827 г. около 1624 года съ подлинника, находящагося въ Переславскомъ (Залѣсскомъ) Горицкомъ монастырѣ. Священныя утвари и ризница при этой церкви вполне соотвѣтствуютъ благолѣпію храма. На утрени, въ день Пасхи, священникъ и діаконъ, по древнему обычаю, на каждой пѣсни канона, предъ каждениемъ по церкви, перемѣняли облаченія, изъ коихъ одно было лучше другаго: это, при блистательномъ освѣщеніи храма и при громогласномъ торжественномъ пѣніи, усугубляло духовный восторгъ молящихся и особенно восторгало наши дѣтскія сердца. Нѣкоторыя ризы и стихари имѣли на себѣ жемчужныя даже украшенія, а одна риза изъ желтаго неразрѣзнаго бархата извѣстна была подъ именемъ Питиримовской. По всей вѣроятности, это—приношеніе преосвященнаго Питирима, епископа Нижегородскаго († 8 мая 1738 года), который по рожденію своему принадлежалъ къ Владимірской епархіи¹⁾, и можетъ быть, родина его была село Горицы.

Къ этой же церкви пристроена довольно высокая каменная колокольня, на которой большой колоколъ вѣсомъ въ 300 пудовъ; второй колоколъ въ 150 пудовъ извѣстенъ подъ названіемъ Цыганова, такъ какъ пожертвованъ крестьяниномъ Цыгановымъ, однимъ изъ храмоздателей.

Другая, теплая церковь во имя Вознесенія Господня, менѣе благолѣнна, чѣмъ первая; но за то тѣмъ ощутительнѣе и радостнѣе былъ переходъ изъ зимней церкви въ лѣтнюю, въ концѣ утрени, въ Великую Субботу. На моей родинѣ издревле неизмѣнно соблюдался обычай, чтобъ, какъ бы рано ни была Пасха, въ Великую Субботу, въ концѣ утрени, плащаница переносилась изъ теплой церкви въ холодную, и тамъ уже продолжалась пасхальная служба. Какъ въ рай, бываю, входяишь въ лѣтнюю, свѣтлую и просторную церковь изъ зимней, мрачной и закопченной церкви. Не смотря на то, что воль въ лѣтней церкви чугунный, а на ногахъ легкая обувь и на плечахъ какойнибудь нанковый сюртучекъ или халатецъ, я не помню, чтобы когданибудь я подвергался простудѣ: такъ горячо было въ дѣствѣ религіозное чувство!

¹⁾ См. *Списка іерарховъ и настоятелей монастырей Росс. церкви*. П. Стросва, Сиб. 1877 г., стр. 686.

Въ храмовой праздникъ Вознесенія Господня служба 1827 совершалась обыкновенно въ зимней церкви, и въ этотъ день ежегодно бывалъ вокругъ всего села торжественный крестный ходъ, въ которомъ принимало участіе духовенство всѣхъ церквей села Дунилова, исключая, разумѣется, едино-вѣрческой, и приносилась изъ этихъ церквей главнѣйшая сватыня. Есть преданіе, что этотъ крестный ходъ, въ древнія времена, совершался на близъ лежащую, съ западной стороны Гориць, возвышенность, именуемую донинѣ Вознесенскою горою. Говорятъ, что на этой горѣ существовалъ когда-то Вознесенскій женскій монастырь. Съ горы этой во всѣ стороны открывается обширный видъ.

Село Горицы въ половинѣ XVI столѣтія принадлежало потомкамъ удѣльныхъ князей Суздальскихъ, братьямъ Дмитрію и Василю Горбатымъ, которые здѣсь и проживали ¹⁾. Ихъ дворецъ, коего мѣсто и до сихъ поръ сохраняется въ памяти народной, находился на помянутой мною выше полянѣ, надъ рѣкою Тезой. Тамъ видны (еще и теперь ямы, гдѣ были княжескіе погреба. Въ пашествіе Литовцевъ село это потерпѣло разореніе ²⁾). Въ народѣ сохранилась память о Литовцахъ подъ именемъ пановъ. Въ позднѣйшее же время Горицы часто терпѣли отъ пожаровъ. Такъ, на моей уже памяти, въ 1823 году 16 сентября сгорѣло тамъ 120 дворовъ. Но послѣ этого пожара явилось въ семь селѣ очень много большихъ и красивыхъ домовъ, такъ какъ около этого времени еще значительно процвѣтала мѣстная промышленность крестьянъ — скорняжная, состоявшая въ выдѣлкѣ звѣриныхъ шкуръ, преимущественно заячьихъ. Между крестьянами было нѣсколько кунцевъ, которые вели значительную торговлю произведеніями мѣстной промышленности. Народонаселеніе Гориць простиралось до 900 душъ обоого пола.

При незначительномъ количествѣ приходскихъ душъ (менѣе 500 душъ мужскаго пола, съ двумя деревнями), причтъ Горицкой церкви состоялъ изъ четырехъ членовъ: священника, діакона, дьячка и пономаря, и сверхъ сего была просфорня.

1) Описание г. Шуи, В. Борисова. стр. 182.

2) Тамъ же, стр. 183.

1827 г. Въ моемъ дѣтствѣ священникомъ Горницкой церкви былъ о. Матвѣй, двоюродный дядя моей матери. Видный и благообразный собою, онъ не имѣлъ школьнаго образованія и изъ причетниковъ возведенъ въ санъ священства и былъ даже благочиннымъ. Имѣлъ пріятный голосъ и въ служеніи былъ очень благолѣпенъ. Жена его Анна Степановна была грамотная и очень любила читать и пѣть въ церкви; случалось не рѣдко, что она одна на клиросѣ отправляла вмѣсто дьячка рашною обѣдню; а при отпѣваніи покойниковъ, она, бывало, никому не дастъ читать 17-ю каовизму; ходила иногда съ причтомъ и въ дома прихожанъ, для отправленія молебновъ. Помню какъ теперь: мы были въ одномъ богатомъ домѣ, для совершенія водосвятнаго молебна (брали по домамъ и насъ дѣтей, для полученія копѣчныхъ подаяній). Мнѣ довелось стоять у зеркала, и я не рѣдко заглядывалъ въ него. Анна Степановна, стоя сзади меня и примѣтивши мое неблагочиніе, дернула меня довольно сильно за ухо, и тѣмъ дала понять, чтобъ я не засматривался въ зеркало. Къ несчастію, эта почтенная старуица страдала по временамъ недугомъ пьянства, и уходя изъ дома, приходила иногда по ночамъ къ намъ и настойчиво требовала отъ матушки водки, оставаясь въ нашемъ домѣ до утра. У о. Матвѣя была единственная дочь Александра Матвѣевна, которая была въ замужествѣ за священникомъ Покровской церкви села Дунилова, Василіемъ Васильевичемъ Саноровскимъ, по которой въ живыхъ я уже не помню. У него же въ домѣ жила какая-то родственница, кажется, двоюродная сестра, дѣвица Ольга Алексѣевна, которой родной братъ Александръ Алексѣевичъ Горницкій былъ уѣзнымъ стряпчимъ въ г. Муромѣ.

Діаконъ Петръ Ивановичъ, рукоположенный въ діакона въ 1809 году, родной братъ моей матери и мой отецъ крестный. Довольно высокаго роста, темнорусый съ короткими волосами на головѣ, но съ довольно большою бородою и длинными усамн; съ громкимъ голосомъ и съ живымъ характеромъ; отличный знатокъ церковнаго устава и весьма ревностный по службѣ; школьнаго образованія не получилъ, но былъ довольно начитанъ: Четьи-Миней святителя Димитрія Ростовскаго едва не зналъ наизусть; безпорядковъ и шуму въ церкви терпѣть не могъ. Когда кто нибъ разговаривалъ

въ церкви, ему стоило только на амвонѣ повернуть голову 1827 и шевельнуть усомъ, чтобы прекратить всякій безпорядокъ; въ особенности боялись его женщины. Строгъ былъ онъ и въ семействѣ; а семейство его было не малочисленно: кромѣ жены, Татьяны Ивановны, было два сына и четыре дочери. У него же проживала и мать его Анна Васильевна. Сыновья—Иванъ и Михаилъ—оба были старше меня; но Михаилъ, проучившись два или три года въ духовномъ училищѣ, скончался, а Иванъ окончилъ въ 1832 году курсъ семинаріи. Дочери были: Марія, Пелагея, Олимпиада и Елисавета. При такомъ значительномъ семействѣ, церковныхъ доходовъ, для содержанія его, было конечно недостаточно. Поэтому надлежало изыскивать къ нему другіе источники. По временамъ Петръ Ивановичъ занимался, посредствомъ найма, обработкою принадлежащаго ему участка церковной земли; но главнымъ и постояннымъ его занятіемъ была торговля оконными рамами, фонарями и хрустальною посудой; а жена его торговала красною пестряцью, которую приготовляли дочери и постороннія женщины. При этихъ занятіяхъ, матеріальное благосостояніе семейства моего дяди было весьма удовлетворительно. По этому у нихъ въ домѣ давно уже заведенъ былъ самоваръ, и они почти ежедневно пили чай, тогда какъ у моей матери и въ поминѣ объ этомъ не было. Бывало, въ большіе годовые праздники, какъ пасху въ Пасху и въ Рождество, мою матушку приглашали на чай къ дядѣ, а она брала съ собою и меня; и какъ было радостно и весело на душѣ быть въ такіе торжественные праздники, въ свѣтлой, чистой комнатѣ, гдѣ все дышало изобиліемъ и довольствомъ! Но разъ вотъ что случилось со мною. Въ горницѣ, въ которой обыкновенно мы пили чай, были стѣнные часы съ кукушкой. Когда я въ первый разъ услышалъ пронзительные звуки этой кукушки, я такъ былъ испуганъ этою неожиданностію, что со слезами бросился бѣжать вонъ изъ горницы, и послѣ бои часовъ каждый разъ производилъ на меня самое непріятное впечатлѣніе.

Дьячекъ Михайла Васильевичъ Бѣлоцвѣтовъ опредѣленъ былъ на мѣсто въ 1819 году. Онъ былъ нашъ ближайшій сосѣдъ; его домъ былъ позади нашего. Былъ онъ двоеженецъ и такъ строго соблюдалъ церковное правило относи-

1827 г. тельно двоеженцевъ, что никогда не позволялъ себѣ проходить въ алтарѣ по горнему мѣсту мимо престола. Онъ годось имѣлъ не сильный, но пріятный тенористый; ноту церковную зналъ очень твердо и умѣлъ пѣть даже столповымъ, стариннымъ напѣвомъ. Въ воскресные и праздничные дни собиралось на клиросахъ много грамотныхъ прихожанъ, которые и пѣли и читали вмѣсто причетниковъ: но подъ великіе праздники они требовали, чтобы первыя двѣ или четыре вечернихъ стихиры Михайла Васильевичъ пѣлъ по нотамъ, которыхъ они сами не разумѣли. Стихиры же въ Великій постъ, на преждеосвященныхъ литургіяхъ, онъ пѣлъ, большею частію, столповымъ напѣвомъ. Читалъ онъ не спѣшно и выговаривалъ каждое слово отчетливо, чего требовалъ и отъ другихъ. Когда я окончилъ у него ученіе грамоты, онъ заставлялъ меня въ церкви читать часы и шестосалміе, и если я произносилъ какое нибудь слово прогивъ ударенія, или останавливался не на знакахъ препинанія, онъ пальцемъ ударялъ меня въ спину или въ шею. Въ послѣдствіи времени, когда я учился уже въ школѣ, и въ каникулярное время приходя въ церковь, становился по обыкновенію на клиросъ, Михайла Васильевичъ требовалъ отъ меня, чтобы я пѣлъ непременно алтомъ, котораго у меня не было; и онъ былъ всегда недоволенъ, когда я пѣлъ въ одинъ съ нимъ тонъ: это было впрочемъ въ будничные только дни. Въ праздники пѣлъ, какъ я выше сказалъ, цѣлый хоръ прихожанъ.

Пономарь Андрей Андреевичъ Стразовъ, также съ 1819 года. Онъ былъ совсѣмъ другихъ качествъ: и читалъ не твердо, и пѣлъ не совсѣмъ исправно, а ноты и вовсе не разумѣлъ. Подъ великіе праздники, когда на правомъ клиросѣ пѣлъ стихиры по постному обиходу Михайла Васильевичъ, на лѣвый клиросъ выходили пѣть или о. Матвѣй, или мой дядя, діаконъ, а иногда и оба вмѣстѣ. За то Андрей Андреичъ былъ весьма услужливый человекъ: нужно ли, бывало, о. Матвѣю ѣхать по благочинію для обзора церквей, — онъ у него исправляетъ должность кучера; надобно ли везти въ училище или въ семинарію внука о. Матвѣя и сына о. діакона, — Андрей Андреичъ готовъ къ ихъ услугамъ. У Андрея Андреича было два сына и нѣсколько дочерей. Старшій изъ сыновей Яковъ былъ мой почти

сверстникъ, только годомъ или двумя моложе меня. Съ 1827г. нимъ мы на перерывъ старались прислуживать священнику въ алтарѣ:—приготовить кадило, подать теплоту, вынести изъ алтаря предъ евангелиемъ на маломъ входѣ свѣчу — это было наше дѣло, особенно въ будничные дни; въ праздники насъ до этого не всегда допускали. Но играми на улицѣ мы съ Яковомъ вмѣстѣ почти никогда не занимались, потому что онъ жилъ за церковію на другой улицѣ отъ меня, и у него былъ свой кружокъ друзей и сверстниковъ.

Просфорнею при Горницкой церкви лѣтъ десять была моя малушка Стефанида Ивановна. Эта должность доставляла ей порядочныя средства къ жизни. Я не знаю, получала ли она какое либо опредѣленное вознагражденіе за труды; но я хорошо помню, что она въ воскресные и праздничные дни ходила по церкви за старостою съ тарелкою для сбора приношеній; ходила съ причтомъ по домамъ во время Пасхи, осенью ходила по гумнамъ, во время молотбы, съ мѣшкомъ для сбора такъ называемой пови, иногда брала съ собою и меня. Нѣкоторыя лепты доставлялъ и я ей. Когда, бывало, служить кто либо въ церкви молебень или панихиду, послѣ вознагражденія причта, давали и намъ съ пономаревымъ сыномъ Яковомъ особо по грошу, а иногда и по пятаку. Но разъ служилъ молебень предъ образомъ Рождества Богородицы прѣхавшій изъ Муромъ къ о. Малвѣо гость, помянутый выше странчій Алексѣевичъ: онъ пожаловалъ мнѣ серебряную монету, кажется, пятиалтынный. Это привело меня въ крайнее удивленіе и восторгъ. И всѣ, такимъ образомъ получаемыя мною лепты я слѣшилъ отдавать своей матери; развѣ иногда утаишь копѣйку или двѣ на покупку для игры бабокъ.

Противъ Горницъ, на лѣвомъ берегу рѣки Тезы, находится торговое село Дунилово. Оно вдвое больше Горницъ и по числу дворовъ и по народонаселенію. Въ старину оно называлось „дворцовымъ“ селомъ. Въ двадцатыхъ годахъ нынѣшняго столѣтія, во время моего дѣтства, село это отличалось хорошими постройками; дома были, большею частію, высокіе на подклѣтахъ, украшены на конькахъ и окнахъ рѣзьбою. Домами этими любовался въ 1815 году покойный Московскій владыка Филаретъ, когда онъ, бывши

1827 г. ректоромъ С.-Петербургской духовной академіи и архимандритомъ, ревизовалъ семинаріи Ярославскую, Костромскую и Владимірскую ¹⁾. Проѣзжая изъ Костромы во Владиміръ, онъ останавливался для почлега въ Дуниловѣ. „Рано утромъ, — рассказывалъ мнѣ самъ владыка, когда я былъ уже Московскимъ викаріемъ, — смотрю я изъ своей квартиры въ окно и вижу большіе красные дома на подклѣткахъ, съ дворовъ выходятъ рослые мужчины въ красныхъ рубашкахъ съ ведрами на плечахъ; шли на рѣку за водой“. Въ послѣднее время Дунилово, вслѣдствіе частыхъ и сильныхъ пожаровъ, значительно упало во всѣхъ отношеніяхъ.

Въ Дуниловѣ было, при трехъ отдѣльныхъ приходахъ, 8 церквей. — всѣ каменные, кромѣ одной теплой, одновѣрческой.

Церковь Благовѣщенская о пяти главахъ, византійско-русской архитектуры, весьма обширная, освящена въ 1675 году. Иконостасъ въ ней сдѣланъ по повелѣнію царицы Евдокіи Феодоровны Лопухиной, первой супруги Петра 1-го. Церковь расположена на высокомъ и крутомъ берегу Тезы. Въ XVII столѣтіи при этой церкви былъ женскій монастырь, ураздненный въ 1764 году; по игуменскія кельи деревянныя, обширныя, оставались до 1831 года, когда онѣ были истреблены пожаромъ.

При Благовѣщенской церкви на колокольнѣ были устроены, такъ называемые, русскіе часы, кѣихъ счетъ днемъ начинался отъ восхожденія солнца, а ночью отъ захожденія его.

Въ составѣ причта Благовѣщенской церкви было три священника, два діакона и шесть причетниковъ.

Къ Благовѣщенской церкви приписана была Крестовоздвиженская церковь, находящаяся среди села, на торговой площади. Она перестроена была въ 1828 году изъ каменной древней часовни, воздвигнутой по случаю мороваго повѣтрія, свирѣпствовавшего здѣсь въ 1654 году. Въ этой церкви находятся два большіхъ деревянныхъ креста; изъ нихъ одинъ сооруженъ, какъ видно изъ подписи, бояриномъ Феодоромъ Абрамовичемъ

¹⁾ О ревизіи Владим. семинаріи архим. Филаретомъ см. въ *Духов. Чит.* 1870 г. и въ *Влад. Ев. Вѣдом.* 1873 г. N 9.

Допухинымъ, которому Дунилово пожаловано было въ 1685 1827 году въ отчину царями Иоанномъ и Петромъ Алексѣевичами; а другой устроенъ въ память избавленія въ 1830 году отъ холеры.

Церковь Покровская сооружена усердіемъ помянутаго сейчасъ боярина Допухина. При ней другая теплая церковь, построенная въ 1743 году. Въ этой церкви весьма замѣчательна по древности чудотворная рѣзная икона святителя Николая Можайскаго, во весь ростъ. Къ сей иконѣ жители Дунилова и окрестныхъ мѣстъ имѣютъ особенное усердіе и благоговѣніе.

На колокольнѣ Покровской церкви большой колоколъ вѣсомъ, какъ было сказано выше, въ 600 пудовъ. Онъ вылитъ усердіемъ мѣстныхъ жителей въ память изгнанія изъ Россіи, въ 1812 году, французовъ. На немъ вылиты слѣдующіе стихи:

„Въ сей грозный годъ Галль дерзновенный,
„Собравъ враговъ отъ всей вселенной,
„Россію тщился разорить и т. д.

На Покровской колокольнѣ такъ же, какъ и на Благовѣщенской, имѣются часы, но другаго устройства, такъ называемые нѣмецкіе. Они бьютъ не только часы, но и четверти съ минутами. Этотъ бой разныхъ часовъ на двухъ колокольняхъ не рѣдко сбивалъ насъ съ толку.

Часы ежедневно заводилъ, если не на обѣихъ колокольняхъ, то на Покровской, одинъ очень смысленный и грамотный крестьянинъ, Исаакъ Андреевъ Колесниковъ. Онъ отличался такою любознательностію, что, въ свободное отъ своихъ житейскихъ занятій время, неусыпно занимался чтеніемъ духовно-нравственныхъ книгъ и, между прочимъ, полемическихъ сочиненій противъ раскола. Обогащенный разными свѣдѣніями, хотя безъ особеннаго критическаго такта, онъ съ самоувѣренностію вступалъ въ полемическую борьбу съ мѣстными раскольническими начетчиками. Любилъ онъ вести бесѣды и съ нами—школьниками и съ приходскими священниками.

Къ Покровской церкви принадлежала церковь кладбищенская во имя Преображенія Господня, за селомъ. Она освящена въ 1832 году. Я былъ при освященіи этой церкви. Торжественный обрядъ освященія храма, видѣнный мною въ первый разъ, произвелъ на меня глубокое впе-

1827 г. чатлѣніе. Въ моей памяти сохранилось при семь еще слѣдующее знаменательное зрѣлище. Я видѣлъ возлѣ повоосвященнаго храма, можно сказать, цѣлыя горы нарѣзанныхъ ломтями булокъ и калачей, и нѣсколько чановъ съ квасомъ. По совершеніи литургіи, эти яства и это питіе окрошлены были св. водою и раздавались богомольцамъ, которые съ благоговѣніемъ ихъ принимали и вкушали. Не напоминаетъ ли этотъ благочестивый обычай о Давидѣ, когда онъ, по перенесеніи изъ дома Аведара Геоянина въ Іерусалимъ ковчега завѣта и по поставленіи его въ скиніи, принесъ предъ Господомъ всесоженіе и жертвы мирныя и раздалъ всему народу, какъ мужчинамъ, такъ и женщинамъ, по одному хлѣбу, и по куску жаренаго мяса, и по одной лепешкѣ (въ славянскомъ текстѣ: *по сковрадному млину* (каждому) 2 кн. Царствъ 6, 17-- 19)?

Причтъ Покровской церкви составляли два священника, діаконь и четыре причетника.

Успенская единовѣрческая церковь каменная, построенная въ 1818 году усердіемъ Московской купчихи Евфиміи Егоровны Каретниковой, но освященная въ 30-хъ годахъ архимандритомъ Высоковского единовѣрческаго монастыря, Костромской епархіи, Зосимою († 1840 г.). Я хорошо помню этого сановитаго старца; съ нимъ пріѣзжало нѣсколько чело­вѣкъ братіи, изъ коихъ болѣе прочихъ сохранились въ моей памяти суровый старикъ, іеромонахъ Боголѣпъ и очень молодой и красивый іеродіаконь (имя его забылъ). Церковь довольно обширная, высокая и свѣтлая, по стѣнамъ и въ куполѣ расписанная живописью, которую производилъ извѣстный въ то время своимъ искусствомъ мастеръ, крестьянинъ села Тейкова, Медвѣдевъ. Расписаніе производилось не одинъ годъ и сопровождалось нѣкоторыми курьезами. Такъ, во время производства работъ, часто посѣщали церковь попечитель ея Семень Ивановичъ Балинъ, наемный уставщикъ крестьянинъ Харлампій Матвѣевъ и одинъ прихожанинъ Андрей, слѣпой физически и столь же слѣпой ревнитель мнимой старины; и какъ всѣ эти посѣтители не рѣдко дѣлали замѣчанія мастеровымъ, болѣе чѣмъ неумѣстныя: то мастеровые, въ наказаніе за это, всѣхъ ихъ по­мѣстили въ аду, при изображеніи картины страшнаго суда.

Пока строилась и украшалась каменная церковь Успен-

ская, богослуженіе совершалось въ другой деревянной церк- 1827 г
кви, во имя Покрова Пресв. Богородицы, — когда построеной, не знаю. Въ этой-то церкви мнѣ не рѣдко случалось бывать при богослуженіяхъ, когда я въ дѣтствѣ по временамъ гостилъ у своей сестры Маріи Михайловны, бывшей въ замужествѣ, какъ выше было сказано, за пономаремъ этой церкви. Мнѣ очень памятно, какъ помянутый выше попечитель, старикъ Балинъ подходилъ ко мнѣ и допрашивалъ, какимъ крестомъ я молюсь, и какъ нѣкоторыя ревнивыя старухи воспрещали мнѣ въ одно съ ними время творить поклоны.

На томъ мѣстѣ, гдѣ нынѣ находится единовѣрческая церковь, существовала мужская Успенская пустынь, извѣстная въ народѣ подъ именемъ Воробьевой. Она основана въ XVII вѣкѣ бояриномъ Лопухинымъ и въ 1764-мъ году ¹⁾ упразднена, а утварь перенесена была въ Дуниловскую Благовѣщенскую церковь.

При Успенской единовѣрческой церкви по штату положены священникъ, діаконы, причетникъ, и сверхъ штата былъ вольнонаемный уставщикъ.

Изъ многочисленнаго Дуниловскаго духовенства многіе, если не большая часть семействъ, доводилась намъ въ болѣе или менѣе близкихъ родственныхъ отношеніяхъ. Такъ, у моей бабушки Анны Васильевны было двѣ родныхъ сестры, изъ коихъ одна, Стефаніда Васильевна, была въ замужествѣ за священникомъ единовѣрческой церкви о. Козьмою Васильевичемъ, а другая за причетникомъ Покровской церкви Алексѣемъ Васильевичемъ.

У Стефаніды Васильевны было три дочери, изъ коихъ двѣ были въ замужествѣ въ Костромской епархіи, а третья, болѣзненная, умерла дѣвичествомъ.

У Татьяны Васильевны было три сына: Платонъ, Козьма

¹⁾ За годъ до упраздненія пустыни, именно въ 1763 г., присланъ былъ на имя послѣдняго строителя ея Никодима, изъ Суздальской Д. Консисторій указъ съ прописаніемъ указа Св. Синода отъ 23 апрѣля того же 1763 года, послѣдовавшаго на имя епископа Суздальскаго Геннадія, о тяжкомъ преступничествѣ и Ея Императорскаго Величества Высочайшей особы оскорбленіи Ростовскаго митрополита Арсеніемъ (Мацѣевичемъ). Интересный документъ этотъ напечатанъ въ *Ежегодникъ Влад. губерск.* *статьи ист. коллегіи* т. 1, вып. 1, стр. 304 и слѣд. Владиміръ, 1876 г.

1827 г. и Петръ. Петръ съ молодыхъ лѣтъ жилъ въ Казани у дяди своего, священника, въ послѣдствіи протоіеря, Іакова Ивановича Семенова, магистра 2-го курса Московской Д. Академіи, и тамъ, окончивши курсъ семинаріи, получилъ священническое мѣсто. Я разъ только видѣлъ его, когда онъ, по окончаніи курса семинаріи, пріѣзжалъ на родину повидаться съ матерью и братьями.

Другіе два сына были причетниками при Покровской церкви въ Дуниловѣ. Ихъ почему-то, не знаю, называли лапчатыми.

Старшій изъ нихъ Платонъ Алексѣевичъ вель себя, кажется, довольно благопристойно: но младшій Козьма—съ грѣхомъ пополамъ. Между прочимъ, у этого послѣдняго была страсть къ кулачнымъ боямъ, которые въ нашихъ селахъ зимой, по праздничнымъ днямъ, составляли любимое народное упражненіе. Козьма Алексѣевичъ отличался при томъ очень крѣпкими физическими силами. Отъ его кулаковъ доводилось многимъ терпѣть сильные удары; по одной и онъ самъ былъ избитъ до полу-смерти. Жизнь его окончилась печальнымъ образомъ: разъ онъ, вѣроятно, выпивши, спалъ въ избѣ на полатахъ, а жена куда-то отлучилась. Слѣзая съ полатей, онъ упалъ на полъ и тутъ же духъ вонъ... Явилась врачебная полиція и признала нужнымъ анатомировать умершаго. Я былъ свидѣтелемъ этой, потрясающей душу, операциі. Послѣ несчастно погибшаго Козьмы Алексѣевича остался единственный сынъ Александръ, годома старше меня.

При Покровской же церкви оба священника и діаконъ были намъ въ родствѣ.

Старшій священникъ Васил. Вас. Сапоровскій былъ женатъ на дочери, какъ замѣчено было уже выше, Горицкаго священника о. Матвѣя, Александрѣ Матвѣевнѣ, которая была троюродною сестрою моею матушки. Онъ жилъ въ домѣ своего тестя, въ разстояніи отъ Покровской церкви около версты. О. Василій Сапоровскій — личность очень замѣчательная. Онъ изъ лучшихъ студентовъ семинаріи; окончилъ курсъ въ 1808 году; былъ пѣвчимъ и музыкантомъ въ архіерейскомъ оркестрѣ, пѣлъ басомъ и игралъ на фэготѣ; писалъ стихи; любилъ заниматься литературой, и при чтеніи журналовъ или газетъ писалъ на ученые и ли-

тературныя статьи критическія замѣчанія; и вель обширную 1827 переписку съ своими товарищами и друзьями, между которыми первое мѣсто занималъ Боголюбскій архимандритъ Аркадій Ѳедоровъ, въ послѣдствіи архіепископъ Пермскій и за тѣмъ Олонецкій, скончавшійся 8 мая 1870 года въ схимѣ, въ Александро-Свирскомъ монастырѣ. Ему онъ писалъ иногда обширныя посланія въ стихахъ ¹⁾. Такъ какъ въ Дуниловѣ было не мало раскольниковъ, то о. Василій съ ревностію занимался изученіемъ раскольнической литературы. Все, что только извѣстно было тогда въ печати по части русскаго раскола, имъ было прочитано; и онъ не безъ успѣха вель борьбу съ туземными раскольниками. Онъ былъ вмѣстѣ съ тѣмъ замѣчательный юристъ; ему были поручаемы енархіальнымъ начальствомъ слѣдствія по дѣламъ наиболѣе важнымъ и серьезнымъ. Сверхъ сего, онъ былъ любитель медицины; имѣлъ у себя небольшую аптечку, и къ нему съ довѣріемъ обращались прихожане въ своихъ недугахъ и болѣзняхъ. Такимъ образомъ онъ былъ врачъ не только душъ, но и тѣлесъ. О. Василій не очень долго былъ въ супружествѣ, и имѣлъ единственнаго сына Якова, который однакожь не наследовалъ дарованій своего родителя и, что особенно странно, не получилъ даже, когда былъ отданъ учиться въ школу, и фамиліи своего отца. Ему дана была фамилія: Горницкій, — очевидно, отъ села, въ которомъ онъ родился. Этотъ бездарный и притомъ болѣзненный юноша не простерся далѣе средняго отдѣленія семинаріи: злая чахотка прекратила дни его жизни. Другъ о. Василія, преосвященный Аркадій, многократно убѣждалъ его, какъ бездѣтнаго вдовца, оставить мѣръ и принять монашество: но всѣ убѣжденія оставались тщетными.

Младшій священникъ Покровской церкви Василій Михайловичъ Пришлецовъ былъ женатъ на Анисѣѣ Васильевнѣ, дочери своего предшественника, священника Василія Игнатъевича. Этотъ Василій Игнатъевичъ былъ дѣдъ моеи матери, но въ какой степени, не знаю. Онъ жилъ девяносто лѣтъ, если не больше; и многіе послѣдніе годы онъ

¹⁾ Такъ, онъ послалъ 3 июля 1829 г. въ Оренбургъ, куда въ февралѣ того же года Аркадій назначенъ былъ въ епископа, привѣтственное посланіе въ стихахъ на 12-ти страницахъ

1827 г. неподвижно лежалъ на одрѣ болѣзни, такъ что отъ лежанія, какъ мнѣ сказывали, прогнили нѣкоторыя части его тѣла. Я помню только уже его кончину и былъ съ своею матерью при его отпѣваніи. Служба была, безъ сомнѣнія, очень продолжительна; но такъ какъ она для меня была новою, невиданною, то я выстоялъ ее безъ особеннаго отягощенія. О. Василій Пришлецовъ не имѣлъ, подобно о. Сапоровскому, большой учености; онъ, кажется, и не окончилъ даже курса въ семинаріи: но онъ отличался особенною скромностію, кротостію и благодушіемъ. Дѣтей у него не было, но онъ воспитывалъ какого-то родственника сироту Θεодора, который окончилъ курсъ во Владимірской семинаріи и почему-то поступилъ на службу въ Томскую епархію.

Діаконъ Иванъ Васильевичъ Зефировъ, сынъ, помянутого выше, священника Василя Игнатъевича. Отличался необыкновеннымъ здоровьемъ, но голосъ имѣлъ какой-то гугливый, весьма неприятный для слуха; тѣмъ не менѣе прихожане терпѣли его, какъ доморощенного, и даже уважали его какъ человѣка, исправнаго по службѣ, трезваго по поведенію и притомъ очень зажиточнаго. У него было только двое дѣтей—сынъ Василій и дочь Анна. Сынъ его былъ не много моложе меня.

При Благовѣщенской церкви были родственники, хотя и не близкіе,—старшій священникъ о. Трофимъ и діаконъ Василій Прокофьевичъ Соловьевъ—тотъ и другой были въ родствѣ съ нами по своимъ женамъ.

О. Трофимъ—ученый, честный и суровый старецъ. Онъ пользовался въ своемъ кругу большимъ уваженіемъ и былъ даже нѣсколько лѣтъ благочиннымъ. Въ семействѣ своемъ былъ грозенъ. У него былъ сынъ и двѣ или три дочери. Сынъ его Игнатій былъ юноша не бойкихъ дарованій, и отецъ, при его воспитаніи, не щадилъ своего жезла. Старшая дочь его, Анисья Трофимовна, была за помянутымъ выше діакономъ Покровско церкви Иваномъ Васильевичемъ; а младшую онъ пристроилъ на свое мѣсто, выдавъ за студента семинаріи Ивана Петровича Минервина. Когда о. Трофимъ былъ свободенъ отъ чреды служенія при своей приходской церкви, и особенно, ко да онъ былъ за штатомъ, онъ часто служилъ у насъ въ Горихахъ, по пригла-

шенію о. Матвѣя, раннія обѣдни, получая за свой трудъ 1827 г не болѣе пятналтыннаго или даугривеннаго.

Діакопъ Василій Прокофьевичъ и жена его Александра Васильевна были люди очень добрые и простые. Ихъ семейство состояло изъ трехъ сыновей и одной дочери. Старшій сынъ Алексѣй мой почти сверстникъ и со мной вмѣстѣ учился въ училищѣ и семинаріи.

При такомъ обширномъ родствѣ, жизнь въ Горицахъ не могла быть, конечно, скучною. Впрочемъ, въ домѣ моей матери, кромѣ зятя Левашева, я почти никого не видалъ; но у дяди Петра Ивановича не рѣдко бывали гости, и въ значительномъ числѣ. Храмовые праздники и дни именинъ праздновались довольно шумно и весело. Угощеніе было, разумѣется, весьма изобильное: но предосудительнаго на этихъ пршествахъ ничего не допускалось. Главную забаву гостей составляло пѣніе, но пѣніе церковное: пѣли, напр., догматики, или какія нибудь канты духовнаго содержанія. Главнымъ зачинщикомъ и руководителемъ пѣнія былъ всегда о. Василій Сапоровскій, какъ бывшій пѣвчій и музыкантъ. Нѣкоторые гости, преимущественно молодья жепщины, играли иногда въ карты, въ дурачки или въ свои козыри. Любимою же игр ю моего дяди и о. Сапоровскаго была игра въ шашки.

До осмилѣтнаго возраста я далѣе Дунилова нигдѣ почти не бивалъ. Разъ только зять и сестра, поѣхавши на Никольскую ярмарку въ сосѣднее село Пупки, отстоящее отъ Горицъ верстахъ въ четырехъ, взяли меня съ собою и тамъ купили мнѣ, не помню, какую-то игрушку. Тутъ же, въ первый разъ, увидѣлъ я монастырь Никола-Шартомскій, о которомъ упомянуто было выше.

Сообщу здѣсь краткія свѣдѣнія объ этой древней обители.

Обитель эта исторически извѣстна съ 1425 года. Названіе Шартомской она получила отъ рѣки Шартомы (нынѣ Шатма), впадающей близъ монастыря въ рѣку Тезу. Кѣмъ первоначально основанъ былъ монастырь, неизвѣстно; извѣстно только, что въ XVI вѣкѣ онъ былъ родовымъ кладбищемъ князей Горбатовъ-Суздальскихъ ¹⁾. Въ немъ съ

¹⁾ *Собрание историческихъ свѣдѣній о монастыряхъ*. А. Ратшинъ. М 1852 г. стр. 32

1827 г. 1425 года по 1767 годъ настоятелями были архимандриты, затѣмъ уже игумены, а съ 1830 года строители. Между игуменами въ 1780—86 значится Иоасафъ — мой прапрадѣдъ, о которомъ упомянуто было выше ¹⁾.

Въ монастырѣ четыре каменные церкви. Главная изъ нихъ во имя святителя Николая, обширная и величественная, освящена 27 апрѣля 1651 года.

Между священными утварями монастырскими значится рукописное евангеліе, принадлежавшее архіепископу Суздальскому Арсенію Элассонскому, ученому греку († 1630 г.). А въ числѣ старинныхъ грамотъ и бумагъ хранится собственноручное письмо святителя Воронежскаго Митрофана ²⁾.

Насталъ, наконецъ, срокъ записывать меня въ приходское духовное училище, которое находилось въ уѣздномъ городѣ Шуѣ. Пока я находился дома, мнѣ не стригли волосы, а только подстригали кругомъ, какъ это обыкновенно было у крестьянскихъ дѣтей. Теперь нужво было меня остричь, какъ требовалось школьными порядками. Матушка послала меня къ о. Василию Сапоровскому просить, чтобы онъ меня остригъ, а мнѣ приказала остриженную волосы принести ей, — что я, конечно, и исполнилъ. Волосы мои были бѣлые и мягкіе, какъ ленъ. Матушка до конца своей жизни хранила ихъ у себя.

Во второй половинѣ іюля 1827 года матушка повела меня въ г. Шую. День былъ жаркій. Отойдя нѣсколько верстъ, я началъ чувствовать усталость. Къ счастью, насъ догналъ на дорогѣ знакомый матушкѣ крестьянинъ, который также ѣхалъ въ Шую и котораго она упросила посадить меня на телѣгу и подвезть. Добрый крестьянинъ, спасибо, не отказалъ въ ея просьбѣ; меня посадили въ его телѣгу. Но тутъ оказалась другая для меня бѣда: пока лошадь шла шагомъ, матушка не очень далеко отставала отъ насъ и была у меня на глазахъ; но какъ скоро лошадь начинала бѣжать рысью, матушка скрывалась отъ

¹⁾ *Ст. ски іерарховъ и настоятелей монастырей Р. Ц., П.* Строева. С-Пб. 1877 г., стр. 681—83.

²⁾ Больше подробныя свѣдѣнія о Николѣ Шарт. монастырѣ см. въ книгѣ: *Описаніе г. Шуи*, В. Борисова, стр. 191—206.

моихъ глазъ, и я, опасаясь какъ за нее, такъ и за себя, 1827 г. начиналъ плакать. Наконецъ, такъ или иначе, мы достигли цѣли своего путешествія и, прибывши въ Шую, остановились у родственника своего, діакона кладбищенской Троицкой церкви Григорія Михайловича Дроздова. На другой день матушка повела меня къ смотрителю училища на экзамень. Тотъ заставилъ меня читать сначала по славянски: я прочиталъ бойко; за тѣмъ далъ мнѣ читать, не помню, какую книжку гражданской печати. Я, хотя и могъ довольно хорошо разбирать и гражданскую печать, но не такъ свободно, какъ славянскую; поэтому я, вѣроятно, не рассчитывая на успѣхъ, сконфузился и не могъ слова выговорить, какъ ни ободрялъ меня смотритель. Нужно было при этомъ назначить мнѣ фамилію. Но такъ какъ у моего родителя никакой фамиліи не было, то матушка просила дать мнѣ фамилію моего двоюроднаго брата—Тихомировъ. А отъ кого эта фамилія заимствована была для моего брата, я и теперь не знаю. Отецъ его такъ же, какъ и мой, былъ безфамильный. Скоро затѣмъ мы возвратились домой.

Приближался сентябрь. Нужно было снова въ Шую, но уже не на короткій срокъ. За день или за два до отъѣзда, матушка повела меня ко всѣмъ роднымъ прощаться. Родные, при прощаньи, награждали меня — кто гривенникомъ, кто пятацтыннымъ, а сестры мои, въ день отъѣзда моего, напутствовали меня горькими слезами, какъ будто отпускали въ рекруты: но я съ спокойнымъ и даже веселымъ духомъ стремился въ школу.

Привезши въ Шую, матушка снова водила меня къ смотрителю и при этомъ принесла ему въ даръ десятокъ очень крупныхъ яблоковъ. Въ Шую меня помѣстили на ту же квартиру, на которой жилъ мой двоюродный братъ Иванъ Тихомировъ, за годъ передъ тѣмъ переведенный во Владимірскую семинарію. Съ нимъ вмѣстѣ квартировали и вмѣстѣ перешли во Владиміръ три брата Соловьевы—Михаилъ, Алексѣй и Николай. Изъ нихъ Алексѣй—впослѣдствіи извѣстный Агаѳангель архіепископъ Волинскій († 8-го марта 1876 г.).

Прежде чѣмъ говорить о моемъ начальномъ образованіи въ школѣ, я не излишнимъ считаю познакомить чита-

1827 г. теля съ исторією и характеромъ г. Шуи и Шуйскаго духовнаго училища.

Названіе города Шуи произошло, по всей вѣроятности, отъ положенія его на лѣвомъ (по славянски — шумъ) берегу рѣки Тезы. Первоначальное основаніе этого города нѣкоторые историки, какъ наприм. Болтинъ, относятъ къ самымъ древнимъ временамъ Россіи ¹⁾. Мѣстоположеніе города очень красиво. Онъ расположенъ на берегу Тезы, постепенно возвышающемся отъ запада къ востоку, и высшій пунктъ этой возвышенности изстари называется „крутихой“. Въ торговомъ и промышленномъ отношеніи, Шуя одинъ изъ замѣчательныхъ уѣздныхъ городовъ Владимірской губерніи. Главную промышленность Шуйскихъ гражданъ составляла торговля англійскою и русскою бумажною, красною и бѣлою, пряжей и производимыми изъ этой пряжи ситцевыми издѣліями. Годовые торговые обороты простирались въ сороковыхъ годахъ текущаго столѣтія на сумму до 3-хъ милліоновъ рублей. Болѣе извѣстныя купеческія фамиліи въ тридцатыхъ и сороковыхъ годахъ были: Посылины, Киселевы, Корниловы, Носовы и др.

Богатое Шуйское купечество всегда отличалось ревностію о благолѣпіи храмовъ Божіихъ и благотворительностію бѣднымъ.

Въ Шуѣ не очень много церквей, но всѣ онѣ отличаются особеннымъ благолѣпіемъ и снабжены богатыми утварями и ризничными принадлежностями. Всѣхъ церквей въ 1827 году было пять: Воскресенская (соборная), Крестовоздвиженская, Спаская, Покровская и Троицкая (кладбищенская). Впрочемъ, судя по незначительному количеству кореннаго городского населенія, церквей приходскихъ было достаточно. Жителей городскихъ обоюго пола считалось не болѣе 4000: но при этомъ вдвое больше было пришлаго народу — фабричныхъ мастеровыхъ, и разнаго рода рабочихъ.

Скажу нѣсколько словъ о первыхъ двухъ церквахъ, къ которымъ болѣе примѣчательныхъ по своему богатству.

Воскресенскій соборный храмъ ²⁾, въ настоящемъ его

¹⁾ *Описаніе г. Шуи*, В. Борисова, стр. 2.

²⁾ Свѣдѣнія о семъ храмѣ заимствованы изъ книги *Описаніе Шуйскаго Воскресенскаго собора*, П. И. Гундобина. М. 1862.

видѣ, существуетъ съ 1799 года. Въ немъ три престола. 1827 г. Главный престоль во имя Шуйской — Смоленской иконы Б. Матери, которая составляетъ главную досточтимую святыню храма. О написаніи этой иконы сохраняется слѣдующее сказаніе: „во время свирѣпствовавшей въ 1654 году въ городѣ Шуѣ моровой язвы, благочестивые жители города разсудили написать икону Смоленскія Божія Матери; для чего призвали извѣстнаго имъ по своему благочестію зографа Герасима Тихонова. Тихоновъ съ усердіемъ и благоговѣніемъ приступилъ къ этому дѣлу. Сдѣлавъ первоначально очеркъ иконы, въ томъ видѣ, какъ она обыкновенно изображается, онъ увидѣлъ на другой день собственное свое начертаніе измѣненнымъ и не похожимъ на подлинникъ; правая нога и прочее положеніе младенца Иисуса оказались не въ томъ видѣ, какъ онъ ихъ начерталъ. Считая такое измѣненіе дѣломъ своей ошибки, онъ исправилъ это; во и на третій день съ недоумѣніемъ и страхомъ увидѣлъ въ такомъ же видѣ св. икону и, не дерзая уже болѣе исправлять ея начертаніе, счелъ это чудомъ и явнымъ дѣйствіемъ невидимой силы Божіей и донесъ объ этомъ начальству и гражданамъ. Тихонову оставалось окончить икону такъ, какъ она начерталась сама; а начертаніе это имѣетъ такой видъ: вмѣсто обѣихъ простертыхъ ногъ, какъ на иконѣ Смоленскія Одигитріи, правая ступень Бого-младенца стоитъ на колѣнѣ лѣвой ноги, придерживаемая Его лѣвою рукою; а правая рука Его, держа свитокъ — символъ судебъ всего міра, поставлена локтемъ на правомъ колѣнѣ, такъ что свитокъ находится противъ Его лика. Такимъ образомъ это самоначертаніе св. иконы было первымъ отъ нея чудомъ; затѣмъ, когда она внесена была въ церковь, послѣдовало второе чудо — просіялъ отъ нея необыкновенный свѣтъ. Третьимъ чудомъ было избавленіе гражданъ отъ моровой язвы. Впослѣдствіи явлено было отъ святой иконы, въ разное время, болѣе 100 чудесъ, описаніе коихъ хранится въ соборной библіотекѣ.

На эту чудотворную икону Богоматери усердіемъ благочестивыхъ гражданъ сдѣлано двѣ драгоценныя ризы: одна серебрянная вызолоченная, украшенная жемчугомъ и драгоценными камнями, пожертвована купцомъ В. М. Киселевымъ; другая жемчужная, украшенная брилліантами, алма-

1827 г. зами, изумрудами и другими драгоценными камнями, цѣнность коей простирается до 40 тысячъ рублей серебромъ: Риза эта устроена усердіемъ разныхъ доброхотныхъ дателей.

Въ соборномъ храмѣ, кромѣ этихъ драгоценностей, заключается много другихъ весьма цѣнныхъ предметовъ, какъ-то: въ главномъ алтарѣ облаченіе на престолѣ серебряное чеканной работы, вѣсомъ около 5-ти пудовъ, цѣною до 6¹/₂ тыс. рублей серебромъ; царскія врата также серебряныя вызолоченныя, вѣсомъ 2 п. 15 ф.; въ иконостасѣ на всѣхъ мѣстныхъ иконахъ ризы серебряныя вызолоченныя; священныя утвари: на престольные кресты, евангелія, священно-служебные сосуды, дарохранительницы—всѣ серебряныя золоченныя и въ большомъ количествѣ, напр. крестовъ 13-ть, евангелій 11-ть и пр. Священническихъ и діаконскихъ облачений — бархатныхъ, газетныхъ и дорогихъ парчевыхъ болѣе 60-ти паръ. Всѣ богатства соборнаго храма цѣнятся не менѣе какъ въ 200 тыс. рублей серебромъ.

При соборѣ имѣется особая теплая церковь во имя святителя Николая съ придѣломъ въ честь святителя Митрофана Воронежскаго: но она ни размѣромъ, ни украшеніями не соотвѣтствуетъ главному храму.

Въ двадцати саженьяхъ отъ главнаго соборнаго храма возвышается огромная каменная колокольня, вышиною съ шпиремъ около 50-ти саженьей. Постройка ея начата еще въ 1810 году, а окончена въ 1832 году. Первоначально строилъ ее архитекторъ италіанецъ Маричелли; но въ 1819 году колокольня, доведенная имъ до третьяго яруса, почти вся разрушилась. Послѣ того постройку ея окончилъ, подъ руководствомъ губернскаго архитектора Петрова, крестьянинъ Владимірскаго уѣзда, Михайла Саватѣевъ. Я былъ очевидцемъ водруженія креста на колокольнѣ. Главнымъ попечителемъ о сооруженіи колокольни былъ соборный староста, почтенный купецъ Димитрій Васильевичъ Корниловъ. Постройка этого громаднаго сооруженія стоила, какъ говорили, 500 тысячъ рублей ассигнаціями (около 150-ти тысячъ рублей серебромъ).

При соборѣ по штату положены были протоіерей, два священника, два діакона, четыре причетника и два звонаря.

Настоятелемъ собора въ 1827 г. былъ протоіерей Алексѣй Никитичъ Никитскій — личность весьма примѣчательная ¹⁾. Онъ сынъ бѣднаго сельскаго причетника; родился въ 1746 году; слѣдовательно въ 1827 году ему было болѣе 80-ти лѣтъ. Первоначальное образованіе получилъ въ Суздальской семинаріи. Отсюда изъ философскаго класса, какъ даровитый ученикъ, онъ посланъ былъ, для полученія высшаго образованія, въ Московскую славяно-греко-латинскую академію. Тамъ, въ свободные отъ академическихъ уроковъ часы, онъ слушалъ лекціи по математикѣ, исторіи, географіи и французскому языку въ Университетѣ. Получивъ такое высокое и многостороннее образованіе, Алексѣй Никитичъ возвратился въ свою родную Суздальскую епархію, и здѣсь 22 октября 1776 года рукоположенъ былъ преосвященнымъ Тихономъ (Якубовскимъ), епископомъ Суздальскимъ († 1786 г.) во священника къ Шуйскому Воскресенскому собору, а чрезъ два года возведенъ былъ въ санъ протоіерея. Божественную службу совершалъ онъ съ великимъ благоговѣніемъ, по монастырскому уставу, безъ всякихъ сокращеній. Въ воскресные и праздничные дни не рѣдко сказывалъ, и притомъ изъ всего городскаго духовенства только онъ одинъ, проповѣди. Его, какъ извѣстнаго проповѣдника, неоднократно вызывали, по распоряженію начальства, для сказыванія проповѣдей, въ епархіальный городъ. Онъ неутомимо занимался чтеніемъ, преимущественно, отеческихъ писаній на латинскомъ и французскомъ языкахъ. Мнѣ случалось не разъ видать, что онъ и въ кухню, къ обѣду, не рѣдко приходилъ съ фоліантомъ въ рукахъ. Но при всѣхъ высокыхъ его умственныхъ и нравственныхъ качествахъ, онъ не чуждъ былъ слабости, которая унижала и губила его физическія силы. Я разумѣю нетрезвость. Моя квартира была прямо противъ его дома, и я часто слыхалъ, какъ онъ во время злослосія, кричалъ и ругалъ непристойными словами свою дочь, священническую вдову Авдотью Алексѣевну, изъ бани, куда она запирала его на нѣсколько дней для истрезвленія.

¹⁾ Біографическій очеркъ протоіерея А. Н. Никитскаго, сост. свящ. Евл. Правдинымъ, помѣщенъ въ *Влад. Еп. Вѣд.* 1877 г. № 13, стр. 680—685.

1827 г. Совершенною противоположною, въ этомъ отношеніи, составлялъ другой соборный священникъ, Петръ Ивановичъ Яковлевскій. Трезвый, честный, скромный, благоговѣйный мужъ былъ этотъ почтешный іерей. Къ сожалѣнію, онъ не очень долго жилъ. Послѣ его смерти осталось три сына, изъ коихъ два младшихъ, Николай и Александръ, по фамиліи Минервины, вмѣстѣ со мною учились въ училищѣ и семинаріи.

Третій соборный священникъ, также Петръ Ивановичъ Пѣвницкій, красивый собою, съ черными волосами на головѣ и бородѣ, съ строгимъ львинымъ взоромъ и съ твердымъ до жестокости характеромъ. Онъ былъ вмѣстѣ съ съ тѣмъ учителемъ, а впоследствии и инспекторомъ училища.

Изъ двухъ соборныхъ діаконовъ, старшій, Кедровъ, красавецъ собою, съ такими же черными, какъ о. Пѣвницкій, волосами, могучій физическими силами и съ сильнымъ басистымъ голосомъ, который, впрочемъ, впоследствии, отъ нетрезвой жизни, значительно ослабѣлъ.

Другой соборный діаконовъ Чихачевъ, не высокаго роста, съ пріятною, симпатическою фізіономіею, обладалъ не сильнымъ, но благозвучнымъ голосомъ; былъ знатокъ нотъ и управлялъ небольшимъ соборнымъ хоромъ.

Изъ соборныхъ причетниковъ особенно памятенъ для меня Михайла Иванычъ. Старикъ честный, отличный знатокъ церковнаго устава и простаго церковнаго пѣнія, даже столповаго; голосъ имѣлъ басистый, сильный, но не обработанный.

Ближайшая изъ приходскихъ церквей къ собору, по разстоянію, и по благолѣпію, есть Крестовоздвиженская. Церковь не обширная, но блистающая золотомъ. Сооруженная въ концѣ XVII в. и въ 1693 году освященная, она только лишь въ началѣ текущаго столѣтія приведена въ настоящее блистательное положеніе, благодаря необыкновенному усердію двухъ благочестивыхъ купеческихъ семействъ—Киселевыхъ и Посылиныхъ.

Вотъ краткія свѣдѣнія объ этихъ ревнителяхъ благолѣпія дому Божію.

Василій Максимовичъ Киселевъ изъ крестьянъ села Кохмы, верстахъ въ 20 ти отъ Шун. Долго онъ занимается какою-то

мелочной торговлей; но въ 1801 году ¹⁾, переселившись въ 1827 г. Шую, онъ открылъ торговлю бумажною пряжей, которая въ большомъ количествѣ требовалась для существующихъ какъ въ городѣ, такъ и во всемъ уѣздѣ мануфактурныхъ заведеній. Годовые обороты торговли постепенно доведены были имъ до огромныхъ размѣровъ. Пряжу получалъ изъ Англій почти однакъ онъ въ цѣлой Россіи. Въ двадцатыхъ годахъ онъ слылъ уже большимъ миллионеромъ: но не смотря на такое богатство, онъ не позволялъ себѣ никакой почти роскоши. Я помню, что онъ въ воскресные дни приходилъ въ церковь въ нанковомъ или демикотоновомъ сѣромъ сюртукѣ. Характера былъ суроваго и властолюбиваго. Онъ скончался отъ холеры 22 іюля 1831 года. У него былъ единственный сынъ Діомидъ Васильевичъ, черезъ 5 дней (27 числа) скончавшійся послѣ него и оставившій послѣ себя двоихъ сыновей—Ивана 20-ти и Димитрія 13-ти лѣтъ.

Семейство Посылиныхъ состояло изъ трехъ братьевъ и двухъ сестеръ. Братья: Степанъ, Алексѣй и Никаноръ Ивановичи, а сестры: Марья и Татьяна Ивановны, Посылины въ одно почти время съ Киселевымъ выѣхали въ Шую изъ села Горлицъ—съ моей родины, и завели здѣсь бумаго-прядильную и ситцевую фабрику въ обширныхъ размѣрахъ. Торговлю они вели не только въ Россіи, но и за предѣлами ея—въ Персіи; и, не помню хорошо, кто-то изъ трехъ братьевъ имѣлъ отъ Шаха персидскаго ордень Льва и Солнца. Семейство Посылиныхъ отличалось примѣрнымъ благочестіемъ. Въ мое время, когда я учился въ Шуѣ, у трехъ братьевъ были не только дѣти, но и внуки. Бывало, въ праздничный день, всѣ они придутъ въ приходскую церковь и станутъ у столба за правымъ клиросомъ въ стройномъ порядкѣ—старшіе позади, а младшіе впереди; стоять въ храмѣ Божіемъ чинно и благоговѣнно. Старшій изъ братьевъ любилъ читать иногда при богослуженіи.

Разъ, я помню, читалъ онъ за всенощной шестопсалміе

¹⁾ По другимъ извѣстіямъ, въ 1795 г. (см. *Влад. Эл. Вѣд.* за 1890 г. № 23, стр. 694). О капиталѣ и торговыхъ оборотахъ купцевъ Киселевыхъ см. въ *Ежегодникъ Владим. губ. статист. комитета*, т. III, 1880 г. стр. 20.

1827 г. съ такимъ умиленіемъ, что у меня, ребенка невольно изъ глазъ текли слезы.

И эти-то два богатая и благочестивыя семейства, движимыя любовію и усердіемъ къ своему приходскому храму, который до начала нынѣшняго столѣтія не отличался особеннымъ благолѣпіемъ, приступили къ обновленію и украшенію его. И вотъ въ какомъ видѣ явился этотъ храмъ къ сентябрю 1823 года, когда онъ вновь былъ освященъ преосвященнымъ Пароеніемъ, епископомъ Владимірскимъ. Иконостасъ съ большими колоннами и весьма искусною мелкою работою сплошь вызолоченъ червоннымъ золотомъ на полиментъ. За рѣзбу иконостаса заплачено около 60-ти тысячъ рублей ассигнаціями (17 тысячъ рублей серебромъ); за позолоту 110 тысячъ рублей (33 тысячи рублей серебромъ);—итого около 170-ти тысячъ рублей. 30 тысячъ рублей ассигнаціями пожертвованы купцами Посылиными; остальные 140 тысячъ употребилъ изъ своихъ суммъ Киселевъ.

Стѣны алтаря и церкви расписаны въ лучшемъ видѣ мастеромъ, крестьяниномъ села Тейкова Тимофеемъ Медвѣдевымъ за 13-ть тысячъ рублей ассигнаціями.

Престоль въ главномъ алтарѣ бронзовый, чрезъ огонь вызолоченный, на бѣломъ мраморномъ основаніи, устроилъ В. М. Киселевымъ на сумму 12,500 рублей. Вокругъ престола сдѣлапъ футляръ изъ цѣльныхъ шлифованныхъ стеколъ, въ бронзовыхъ позлащенныхъ рамахъ.

Ковчегъ серебряный вызолоченный, у коего куполь поддерживается 12-ю колоннами. Заплачено за него купцами Посылиными 22,500 р.

Евангеліе въ серебряныхъ вызолоченныхъ доскахъ самаго большого формата приобрѣтено Киселевымъ за 10,400 р.

Сосуды съ принадлежностями, вѣсомъ 14 ф. 72 зол., цѣною въ 3,750 р. пожертвованы А. П. Посылинымъ.

Въ этомъ же родѣ и прочія священныя утвари.

Иконы не только въ главномъ иконостасѣ, но и по стѣнамъ всѣ покрыты серебряными золочеными ризами, а нѣкоторыя украшены, сверхъ сего, жемчугомъ и драгоценными камнями. Между святыми иконами заслуживаетъ особеннаго вниманія образъ Успенія Божіей Матери, древняго греческаго письма, на кедровой доскѣ, съ слѣдующею внизу греческою подписью: *Μηρις τῆς δοῦλου τῆς Θεοῦ Νικο-*